

Сложный разговор

Маркус Агирре

После того, как Джун оказал ему помощь, Маркус вернулся в свою комнату, которая не изменилась. Размотал бинты и посмотрел на рану. Она не гноилась - уже хорошо. Вокруг нее не было красного - прекрасно. Она была уже не такая большая, как была раньше, а значит, что офуда тоже лечит. Это замечательно. А потом в е хорошие слова закончились, и он, поменяв футболку, вышел из комнаты.

Джун был прав. Раз Яреци и Тору сейчас в монастыре, то надо у них попросить о помощи. Конечно, они могут ему не помогать - к этому он был готов. Потому что все произошедшее, а особенно потеря золотой цепочки, которую он так и не смог подарить, с маленьким кулончиком в виде капли из опала, было чисто его виной. Он не оправдывал себя, но все еще думал, что ему просто необходимо по восстановлению документов уехать обратно в Африку. В заповедник Масаи-Мару. Отец не будет против. А он там не будет играть в карты, пить и попадать в неприятные ситуации.

Он подошел к дому, где жила Яреци с семьей. Из-за двери раздавался радостный смех Кимико, потом какая-то музыка, и он вздохнул. Болезненно поморщился. Как там Джун говорил? Надо перестать думать о прошлом.

Он постучался в дверь, думая, что вообще говорить. Наверное, про свое плачевное положение говорить точно не стоит.

Тору Мотидзуки

После того, как они с Яреци смогли поговорить, в их семье наступил относительный мир. Вопросов, которыми стоило заняться, оставалось еще немало, но на них он смотрел уже с некоторым оптимизмом. Конечно, впереди им предстоял еще большой путь, но первый маленький шагочек они уже сделали, пусть он и дался им обоим нелегко.

Сегодняшний день проходил в достаточно спокойной обстановке и, кроме мотающейся туда-сюда Маргариты, Тору не ожидал, что кто-то попытается вторгнуться в их дом, так что на раздавшийся стук отреагировал не сразу. Но ничего не происходило и, определив в пришедшем незваного гостя, мужчина, ворча себе под нос, отправился ему навстречу, уже заранее не испытывая к нему особой любви. А уж увидев того, кто именно решил посетить их скромное жилище и вовсе посуровел, почувствовав острое желание прогнать проблемного мальчишку со своего порога.

- Какими судьбами? - Тору не забыл обстоятельства их последней встречи и не горел желанием подпускать Маркуса, от которого были одни неприятности, к своей семье. Но и сразу вышвырнуть двоюродного брата Яреци он не мог, догадываясь, какую реакцию этот вполне разумный поступок вызовет у его впечатлительной жены.

Маркус Агирре

Дверь долго не открывалась, и молодой человек подумал было, что Яреци своими прорицаниями предупредила своего мужа о том, чтобы он не открывал дверь. Он был уверен, что сестра обижена на него за то, что он не сдержал данного ей обещания помириться с теткой. А если Яри об этом знала, то и знал Тору, и кто-то еще. Сеньор Фернандез мог тоже знать о том, что Маркус Агирре так и не нашел в себе смелости просто позвонить своей тетке, которая, как оказалось, любила его. Наверное, надо просто принять, что и его тоже кто-то любит? Но почему это так сложно?

Снова раздался радостный возглас Кимико, потом зазвучали ноты, появившиеся с ксилофона или маленького детского синтезатора, и молодой человек печально вздохнул. Он хотел бы чаще видеть свою племянницу, но это было невозможно. Потому что родители Кимико и близко его не подпустят к дочери. Потому что он убийца.

Он мотнул головой, пытаясь вспомнить хоть что-то хорошее в его прошлом. Что-то не поверхностное. Но ничего не вспоминалось. Наверное, он был слишком мал, чтобы все это помнить.

Дверь открылась, когда он собрался уйти. Он вздрогнул и посмотрел на Тору.

- Добрый день, Мотидзуки-сан, - вежливо поздоровался он. - Я не хотел вас беспокоить, но мне очень нужна ваша помощь. Ваша или Яреци. Мне... необходимо связаться с отцом. - Сказал Маркус, почтительно наклонив голову.

Тору Мотидзуки

Маркус, на удивление, разговаривал с ним предельно вежливо, хоть и выглядел не самым лучшим образом. Нет, его одежда была чистой и выглядела вполне прилично, но вот лицо казалось каким-то помятым и осунувшимся, словно мальчишке опять не жилось спокойно, и он в очередной раз влип в какие-то неприятности, что Тору совершенно бы не удивило.

- И что у тебя случилось теперь? - уточнил Тору, прикидывая, стоит ли пускать Маркуса в дом или оставить на пороге до выяснения обстоятельств его визита. Конечно, в дело могла вмешаться Яреци, решив, что держать ее родственника за дверью дурной тон, но пока она занималась какими-то своими делами и вроде как не планировала вмешиваться в его общение с гостем.

- Свой телефон, я так понимаю, ты потерял? - Тору не сомневался, что номер отца у Маркуса был сохранен, а раз он не мог с ним связаться, значит, средства для связи у него и не имелось, что в очередной раз демонстрировало, что парень - безответственная раззява, неспособный хотя бы несколько недель прожить так, чтобы, по своей глупости, не навредить себе или окружающим.

Маркус Агирре

Муж сестры не стал его приглашать в дом, но Маркус бы сильно удивился, если бы Тору его впустил и напоил чаем. Муж сестры был очень черствым, жестким и каким-

то нелюдимым. И Маркус не понимал, почему тетка просила его примириться с ним. Но он был благодарен ему, что тогда помог отцу. Наверное, из-за этого надо примириться? А может он просто не так понял, и на самом деле слово "примириться" означало просто не попадаться на глаза этому японцу и как можно меньше напоминать о себе? Как можно меньше. Лучше вообще не напоминать.

Он тяжело вздохнул и поднял голову. Посмотрел на Тору, а потом поморщился. То ли он стоял неудачно, то ли было что-то еще, но почему-то заболел бок. Не сильно, но неприятно.

- Он... его украли, - обреченно вздохнул молодой человек и хмыкнул.

Тору Мотидзуки

Ответ Маркуса Тору совсем не удивил. Ну да, естественно, дожив до двадцати с лишним лет парень так и не научился быть аккуратнее с подозрительными личностями или как он там остался без телефона. И, что удивляло мужчину еще меньше, влипнув в неприятности, мальчишка тут же вспоминал о родственных узах, которые не мешали ему в свое время вмешиваться в их с Яреци отношения и делать всякие пакости.

- Все с тобой понятно, - покачал головой Тору. И я так понимаю, ты хочешь одолжить мой телефон или телефон Яреци, чтобы поплакаться отцу?

Он так и не забыл истории с Африкой, где все решили деньги Рикардо Агирре, позволяющие сыну, который совершенно этого не заслужил, выйти сухим из воды и избежать заслуженного наказания. А тот, судя по всему, так и не сделал из всего произошедшего никаких выводов, продолжая вести себя как последний дурак и одним своим видом действовать ему на нервы.

Маркус Агирре

Снова появилось какое-то странное желание убить. Превратиться в гиену, убить, напиться свежей крови. Только животные никогда не нападают на людей, а если и нападают, то это вина людей. Потому что люди действительно часто совершают странные поступки. Вот как например та девчонка, которая ему повстречалась в горах несколько часов назад. Он не хотел на неё нападать, а она этого, кажется, не понимала и стла его дразнить палкой. И когда эта палка задела его бок, он не выдержал. Но он достаточно хорошо контролировал своего зверя, поэтому не боялся, что причинит ей что-то плохое.

Муж сестры говорил с ним пренебрежительно. Маркус глубоко вздохнул и хотел было извиниться и уйти, но ведь это тоже бегство. От себя, от людей, которые могут помочь. Он снова поморщился, поняв, что действительно не помнит ничего хорошего из своей жизни. Почему-то это стало напоминать ему всё чаще, и он не знал, как быть и что делать. Надо забыть. Просто уничтожить своё прошлое. Но если его можно уничтожить, то как уничтожить память?

- Да нет. Я хотел просто купить билет на поезд, чтобы поехать к нему. Но у меня была высокая температура, и я задремал, ожидая своей очереди. - Обречённо вздохнул молодой человек. - Если вы... Можете как-нибудь передать отцу, чтобы он

не волновался и со мной всё в порядке? - Договорил он.

Из-за дверей показалась Кимико, которая улыбнулась и, попросив папу подвинуться, подошла к молодому человеку и протянула ему плюшевого мишку.

- Давай знакомиться? - Произнесла она. Маркус хотел было улыбнуться, но так и остался стоять, понимая, что её отец просто убьёт его за то, что он просто заговорил с ней. Да, наверное, именно это и имела ввиду тётя, общаясь с ним с помощью Джуна. Надо просто отстать от этой семьи. Это и будет примирением с Тору и Яреци. Он печально вздохнул.

- Я не буду с тобой играть, Кимико. Извини, - пробормотал он.

Тору Мотидзуки

Рассказ Маркуса больше походил на лепет неразумного ребенка, чем на историю, которая могла случиться со взрослым человеком, отдающим себе отчет в своих действиях. Болел, задремал... Почему-то с самим Тору за всю его жизнь ничего подобного никогда не происходило. Да, он болел, пусть и очень редко, но всегда контролировал свое состояние и не рисковал, если в этом не имелось серьезной необходимости. Но сравнивать себя с бестолковым мальчишкой было более чем глупо, так что с этого момента Тору быстро переключился на насущную проблему.

- Это тебе к Яреци,- выдал Тору свое решение. - Если она будет утирать тебе сопли, а она наверняка будет, но даст тебе свой телефон и отправит звонить отцу. - Ему не нравилась любовь жены пригревать на своей груди всех сирых и убогих, но с этой ее чертой он не пытался бороться уже давно.

Пока он разбирался с Маркусом выглянула Кимико, явно испытывающая интерес к их гостю, и Тору практически сразу взял ее на руки, понимая, что сама она просто так не уйдет, а смотреть за тем, как дочь играет в не вызывающего у него доверия человека, у Тору не было ни малейшего желания. К счастью, Маркус это тоже сразу понял и не стал лезть к ребенку, демонстрируя столь редкие для себя проблески здравомыслия.

Маркус Агирре

Судя по всему, его рассказ показался Тору бредом. В принципе, он не ожидал, что ему сразу помогут или что-то сделают для него. Раньше он болел редко, точнее, если быть более откровенным, ему никто не позволял болеть. Он в этом плане был точной копией отца, точнее это касалось отношений к нему. Тётка рассказывала, как отец после Африки заболел, но его вышвырнули из дома. Однажды Маркус заболел, у него была температура, и он хотел остаться дома. Но это был настоящий ад, и на третий день он ушёл в школу. Он не любил учиться, был хулиганом, но исправно посещал эту "колонию", как они с друзьями дружно называли учебное заведение. А потом он просто не обращал внимания на своё состояние. Его волновали более важные дела, чем собственное здоровье.

Мужчина взял дочь на руки почти сразу, явно не желая, чтобы Кимико общалась с ним, и он поморщился. В сердце будто вошёл острый клинок, а в горле запершило. Он мотнул головой, понимая, что нужно просто уйти. Взять у Яреци телефон и

позвонить отцу. Почему это так сложно? Он посмотрел на девочку, которой очень быстро надоело сидеть на руках у отца и которая стала проситься обратно. Когда оказалась внизу, то посмотрела на Маркуса.

- Ты грустный, - сказала она и убежала в дом.

Маркус закрыл глаза и постарался успокоиться. Но не получалось.

- Она не утирает никому сопли, - сказал Маркус. - Конечно, никто не может заболеть, никому не может стать плохо, - прошипел он с плохо скрываемым раздражением. - Она просто заботится. Разве это плохо? Или вы тоже хотите, чтобы и Яреци стала такой же чёрствой и нелюдистой?

Одним из не очень хороших качеств Маркуса была излишняя импульсивность. Он всегда огрызался, хамил, а потом убегал. Ловили его редко, били тоже редко. Но сейчас он не хотел никуда убегать. Почему-то не хотелось. Рука сжалась в кулак, и он, сделав шаг вперёд, нанёс удар Тору, целясь в его нос. Хотелось убивать. Но он не умеет драться. Глупый поступок, достойный, наверное, премии Дарвина, если всё закончится неблагополучно.

Тору Мотидзуки

Кимико не стала долго задерживаться у него на руках, попытавшись поговорить с Маркусом, а затем отправившись по каким-то своим очень важным детским делам, а ему пришлось выслушивать мнение мальчишки, которого у него, естественно, никто не спрашивал по поводу, какой должна, а какой не должны быть Яреци.

- Я хочу, чтобы моя жена думала головой, а не жалела всех направо и налево, чтобы потом решать чужие проблемы. - Тору сощурился, глядя на Маркуса и пытаясь понять, что сейчас творится в его голове. Парень явно начал заводится, а, на его памяти, такое до добра еще ни разу не доводило, а потому следовало сохранять предельную концентрацию и быть готовым к любой провокации со стороны мальчишки, безуспешно пытающегося корчить из себя мужчину.

И, к его глубочайшему сожалению, самым худшим подозрениям суждено было воплотиться жизнь буквально в считанные секунды, поскольку Маркус не нашел ничего лучше, как попробовать на него напасть, вызывая серьезные вопросы по поводу его вменяемости.

С линии атаки Тору ушел моментально, обходя парня сбоку, перехватывая руку, которая еще недавно летело в область его носа и заламывая ее за спину.

- Ты что, совсем больной? - поинтересовался Тору, немного надавливая на его руку, чтобы болезненные ощущения напомнили Маркуса, с кем он связался. Шум от их возни мог привлечь Яреци, но Тору уже было неважно, увидит ли девушка своего родственника в столь плачевном виде или нет. Он не мог позволить мальчишке размахивать кулаками на пороге своего дома, каким бы бедным и несчастным, по мнению Яреци тот не был.

Маркус Агирре

Это был очень глупый поступок, но все обошлось относительно хорошо. Муж сестры перехватил его руку, заломил ее за спину и стал поднимать, заставляя морщиться от боли. И все было бы нормально, если бы не раненый бок. Джун своим орудием смог немного затянуть рану, она перестала кровить, и он на некоторое время даже смог забыть о ней.

Но муж сестры, делая этот захват, толкнул Маркуса и, как это ни парадоксально, задел рану. Маркус вздрогнул от боли и зажмурился. На лбу выступил холодный и липкий пот. Он сглотнул и осторожно открыл глаза, чтобы убедиться, что мир приобрел какие-то новые краски и цвета. Теперь здесь было много пестрых цветов. И мерцающих. Он снова зажмурился и дернулся. Но от этого рука болела сильнее.

Он молчал, не будучи уверенным, что стоит отвечать на заданный вопрос. Он был риторическим, и отвечать на него не стоит. Он просто хотел попросить помощи.

- Вы хотите, чтобы она стала такой же черствой, - пробурчал Маркус.

Тору Мотидзуки

Кажется, Маркус от его действий почувствовал себя не лучшим образом, но, по мнению Тору, получил он даже меньше, чем заслужил. Была бы его воля, и он ограничил бы общение с Маркусом до одного-двух раз... в никогда, поскольку пользы от этих встреч не видел ни малейшей. Наоборот, каждый раз, как он пересекался с мальчишкой, у того в жизни происходила какая-то ерунда, заставляющая всех знакомых лиц решать его бесконечные проблемы, и пусть сам Тору был достаточно терпелив и старался сдерживать свои чувства по этому поводу, все же имелся предел, который был достигнут еще в Африке.

- Если бы меня интересовало твое мнение, я бы так и сказал, - резко ответил мужчина на комментарий Маркуса по поводу Яреци. - Договоримся так, я сейчас тебя отпущу, спрошу у нее по поводу телефона, а ты будешь мирно стоять и не пытаться размахивать кулаками, иначе я тебя вышвырну и будешь сам решать свои проблемы.

Хоть Тору и хотелось сразу перейти к последнему озвученному варианту, он признавал, что быстро разобраться с мальчишкой, дав ему то, что он хочет, было намного проще, так что он чуть ослабил хватку, ожидая от Маркуса подтверждающих слов.

Маркус Агирре

- Я... Да пошёл ты, - прошипел молодой человек, снова пытаясь вырваться, но у него не получалось, так как хватка Тору была ещё крепкая. А бок от этих действий начинал сильнее болеть. Маркус поморщился, почувствовав, как рубашка прилипла к боку, и снова постарался вырваться. Почему-то захотелось сделать что-то странное, чтобы Тору его выгнал, не дав ему поговорить с сестрой. Он, правда, не представлял, как это возможно, но вот почему-то хотелось испытать это на себе. Было странно, голова закружилась, и он сильнее зажмурился. Ему ещё показалось, что у него начала ползти вверх температура.

Так было уже однажды, после избиения отцом. Он тогда оказался на улице, и на

следующий день у него поднялась температура. А потом пришёл этот зверь. Тогда он сильно боялся гиену, теперь он боялся оставаться человеком. Почему нельзя превратиться в гиену и жить себе в Африке? Тогда не нужны паспорта, документы, деньги. И тогда он не будет никому больше мешать. А отец... он будет иногда, становясь человеком, звонить ему. Может быть, они больше не увидятся, но он просто будет знать, что его отец жив. И, наверное, счастлив.

Он мотнул головой и хотел было застонать, но потом не стал этого делать. И в очередной раз попытался выдержать свою руку.

Яреци Фернандез

Сегодня было слишком шумно. Кимико весь день играла на ксилофоне, маленький Рэн бегал, собирал углы, плакал, верещал и кидался игрушками, Сэтоши пытался его успокоить. Маргарита носилась по дому и за его пределами. Тору сидел в гостиной и занимался своими делами. Яреци лежала на кровати в комнате и пыталась отречься от шума. Медитации не удавались, и она прошла на кухню, проворчав, что в этом маленьком и уютном домике стало как-то слишком много Мотидзуки, мысленно восхитилась терпением своей свекрови, у которой, наверное, постоянно было что-то подобное, и посчитала, что совсем скоро она вместе с Тору и дочкой уедут из этого дурдома в тихую и спокойную Японию, где будет только её папа.

Заваривая себе чай, она услышала стук в дверь, потом услышала шаги Тору, потом на время всё стихло. Стало так тихо, что она улыбнулась. Но, буквально через пару секунд всё повторилось - Рэн собрал очередной косяк/стену/стул, Кимико начала что-то верещать, а снаружи послышался шум. Яреци взяла кружку с горячим чаем и вышла на крыльцо.

Представившаяся картина её несколько не удивила, хотя не понравилась. Тору держал Маркуса, а тот вырывался. Услышав как Маркус посылает Тору, она покачала головой и всмотрелась в лицо брата. На нём были капли пота, а лицо было какое-то обречённое.

- Не отпускай его, - попросила она мужа. - Что тебя сюда привело? - Спросила она брата и облокотилась о стену.

Тору Мотидзуки

Вместо того, чтобы сказать спасибо за готовность в очередной раз оказать ему помощь, Маркус начал его посылать, демонстрируя полнейшее отсутствие наполнения черепной коробки. Непонятно на что он вообще рассчитывал, приходя к ним в дом. Если на родственные объятия и жилетку, в которую можно было поплакать, то он сильно заблуждался, а если на реальную помощь, то поведение, отодвигающее его от этой помощи на какое-то запредельное расстояние, было верхом глупости.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы на пороге не появилась Яреци, вероятно, привлеченная шумом и имеющая рад вопросов к Маркусу из-за его откровенного хамства.

- Твой милый родственник, - Тору ответил быстрее, чем это сделал Маркус, - пришел за помощью, а затем начал размахивать кулаками. И я вот не знаю, что с ним делать, так что решай сама. Все-таки он твой двоюродный брат, а не мой.

Двоюродных братьев у Тору не было, зато хватало родных, отношения с которыми трудно было назвать идеальными. Но даже при таком раскладе, от Рюхея, да даже от Шотаро, никогда не было особых проблем, заметно выделяющего Маркуса из общей массы братьев, имеющих какое-то отношение к его семье.

Маркус Агирре

Маркусу показалось в какой-то момент, что он реально перегнул палку, но это очень быстро прошло. Почему-то сейчас была боль где-то очень глубоко, и он не знал, что с этим делать. Навязчивые мысли про Африку появлялись в его сознании, потом исчезали так же быстро, как появлялись, и снова приходили. Он на какое-то мгновение, на очень короткое, почти микроскопическое, потерял нить реальности. Всё переплелось воедино, и он открыл глаза, чтобы убедиться, что мир снова стал каким-то странным. Теперь ещё и расплывалось всё. Это было неправильно. Он снова дёрнулся, только для того, чтобы вернуть миру привычные очертания.

А потом послышался голос, от которого он сильно вздрогнул и поднял голову. Посмотрел на Яреци и сглотнул. Стало страшно. Она сейчас проникнет в его мозг, всё узнает о нём, уничтожит его. Может, это и правильно?

- Я... - произнёс молодой человек, но вместо него ответил Тору, и он лишь кивнул головой. - Да, я... мне нужна помощь. Мне надо связаться с отцом. У меня... украли телефон и... ограбили. Ты... не могла бы просто позвонить моему отцу и сказать, что я не приеду к нему? - Пробормотал он, чувствуя, что голос предательски дрожит. Не от страха, а от чего-то ещё. По телу пронеслась слабая дрожь.

Яреци Фернандез

Маркус не ответил, но вместо него ответил Тору, и девушка покачала головой и отпила немного чаю. Прислушалась к крикам, доносившимся из дома и подумала, что эти крики, разборки и удары не так уж и плохо. Всё-таки ей не хотелось общаться лишний раз с Маркусом. Видела она его последний раз достаточно давно, где-то год назад, когда он сообщил им, что поедет в Африку. Потом она узнала, в том числе и от Тору, что Маркус там убил человека. И её отношение к брату немного изменилось. Она старалась не думать о нём лишний раз, но и не проявлять к нему какую-то заботу.

Ровно до того момента, как узнала, что мама серьёзно больна, а Маркус не собирается просить у неё прощения. Время было упущено, она знала, что Маркус так и не позвонит маме, но сильно удивилась, когда та попросила её позаботиться о двоюродном брате. Она не понимала, зачем ей это было нужно, но пообещала, что присмотрит за ним и его отцом. И если к дяде у неё не было никаких нареканий, всё-таки он был хорошим человеком, очень умным и серьёзным, то вот Маркус вызывал опасения. И она надеялась, что не увидится с ним ближайшие годы.

Когда Тору сказал, что Маркус в очередной раз попросил о помощи и стал махать кулаками, а Маркус подтвердил, что помощь ему нужна, она задумалась, что делать.

Оставаться с ним равнодушно-холодной и дать ему телефон или попробовать поговорить с ним? Судя по голосу и виду, с ним что-то случилось.

- Ладно, отпусти его, - устало вздохнула девушка. - Допустим, я тебе дам телефон. Что дальше ты будешь делать? Как я понимаю, у тебя нет денег? Ты работать пробовал? Знаешь, это иногда помогает.

Она скользнула по его одежде и увидела, что брюки были влажные, а на чёрной футболке было мокрое пятно. Она покачала головой, думая, что надо его уговорить пойти в лазарет. Но Маркус уже был достаточно большим мальчиком и мог сам решать, что ему делать.

Тору Мотидзуки

Маркус присмирел и начал снова рассказывать свою душещипательную историю. Ограбили, обидели... Тору все это уже слышал, но не стал прерывать пустой рассказ, давая Яреци самой познакомиться с его просьбой и решить, что с мальчишкой делать дальше. А потом и вовсе отпустил Маркуса, понимая, что вреда он сейчас причинить никому не сможет, тем более, и Яри попросила его оставить брата, пока она размышляла над его дальнейшей судьбой.

Девушка задавала вполне понятные вопросы, и Тору решил в разговор не лезть, немного отойдя и прислонившись к стене дома спиной, но так, чтобы все происходящее оставалось в поле его зрения. В то, что Маркус может поцапаться с Яреци, мужчина не верил, поэтому не испытывал страха за жену, ожидая развязки этого бессмысленного и изрядно ему надоевшего представления. Хотя, Тору приходилось признать, что во всем происходящем есть и его вина, поскольку сразу позвав Яри, вместо того, чтобы провоцировать мальчишку, он сэкономил бы уйму времени, которое сейчас улетало с невероятной скоростью на совершенно бессмысленные вещи.

Маркус Агирре

Тору отпустил его, и он дернулся и выпрямился. От этого заболел бок, и он поморщился. Опустил голову и закрыл глаза. Почувствовал, что у него закружилась голова, и открыл глаза. Мотнул головой и отступил на шаг.

- Я... спасибо, - сказал молодой человек. - Я попробую...

Он не стал ничего больше говорить, думая, что делать дальше. Если Яреци даст ему телефон, то он может спуститься в деревню, позвонить отцу. Потом он отдаст ей телефон и уйдет. А куда он уйдет? До Африки пешком не доберешься, денег у него нет, паспорта тоже. Наверное, надо просто уйти? Стать гиеной и жить в домике, иногда превращаясь в человека? Так он точно никогда не причинит никому вреда.

Или действительно попросить отца о помощи? Поехать к нему, жить с ним в Австралии? Помогать ему? Он вспомнил то унижительное положение отца, в которое его поставил дядя, и вздрогнул. Тогда отец выглядел очень плохо, а он не нашел в себе смелости остановить его. Помочь ему справиться с той болью. Невозможно вернуть прошлое.

- Я... хочу попрощаться с вами. Мне она сказала, чтобы я наладил с вами отношения. Чтобы примирился с вами. Так и сказала "примиришься с Яреци и Тору". Но... я не знаю, зачем ей это было нужно и как это сделать. Наверное, она хотела, чтобы наши дороги просто разошлись. Яреци, если ты мне дашь телефон, я верну тебе его через час. Если нет, то, пожалуйста, позвони отцу и передай, что у меня все хорошо?

Он закрыл глаза и вспомнил Цэрин Лхаце. Джун был прав - она никогда не посмотрит на него. Она сильная и смелая девочка, а он... умеет только попадать в неприятности. Он действительно не надежен. Но может действительно нужно поехать к отцу и остаться жить с ним?

Он запутался. Бок сильно болел, сознание становилось каким-то странным, и он помассировал пальцами руки виски. А потом вздохнул. Открыл глаза и, посмотрев на сестру, опустил голову.

Яреци Фернандез

С Маркусом явно творилось что-то странное. В его глазах не было агрессии, наглости, страха и просьбы о помощи, как это было всегда, сколько она себя помнила, и от этого ей становилось не по себе. Потому что хотелось брату отказать в его просьбе и уйти в дом. Перечеркнуть все воспоминания, с ним связанные. Это можно. Вон мама смогла перечеркнуть все, что было связано с ней, и три года не общалась с ней. А Яреци сначала пыталась что-то сделать, с потом просто перестала о маме постоянно думать. И было как-то проще. А потом ей позвонил папа и попросил ее приехать. Правильно сказал персонаж во "Властелине колец", эльф Элронд, что люди слабы. Мы вспоминаем о близких только тогда, когда сами не можем справиться. Она тоже недалеко ушла от всех.

Маркус говорил что-то странное. И сама формулировка ей казалась странной, и слова. И тон тоже. Какой-то он был странный. Не потерянный, не уставший, а скорее безразличный. Как будто его самого не волновала собственная судьба.

Она захотела посмотреть его судьбу. Добраться до конца его жизни, но будущее многогранно. Наверное, не стоит этого делать. Но что делать тогда? Просто дать ему телефон или для начала попытаться поговорить с ним? Выполнить просьбу мамы и присмотреть за ним и дядей? Двумя любимыми родственниками.

Она отпила чай, чтобы собраться с мыслями, и посмотрела на Тору, который стоял рядом. А потом посмотрела на брата и вздохнула.

- Не думай, то я буду вытирать тебе сопли. Это ни к чему хорошему не приводило. И я так и не услышала ответ на свой вопрос. Что ты будешь делать дальше, когда позвонишь ему? Поедешь в Пекин, восстановишь документы и станешь жить нормальной жизнью? Найдешь себе работу и отстанешь от нас? Или что? Ты хочешь убежать? Я знаю, что тебе нравилось бегать гиеной в своей Африке. И я подозреваю, что тебе хочется туда вернуться. Но ты не гиена. Ты - человек. Как он, я, твой отец, моя наставница. Ты не сможешь всю жизнь быть гиеной, Маркус. Мне нетрудно дать тебе телефон, но я не хочу еще один раз ошибиться.

Она вздохнула и посмотрела на брата. Он не выглядел испуганным. Он даже не был жалким. Он был другим. Станным и очень грустным.

- Если тебе надоело, можешь пойти в дом. Он ничего мне не сделает, - сказала она мужу, слегка улыбнувшись.

Тору Мотидзуки

В определенный момент разговора, за которым Тору следил в пол уха, ему показалось, что мальчишка начал бредить. Какая-то "она", мужчина так и упустил момент, где объяснялось о ком идет речь, если такой момент вообще был, просила Маркуса примириться с Яреци и с ним. И вот здесь начиналось самое забавное, поскольку сам Тору не помнил, чтобы когда-то ссорился с парнем. В его понимании, у них просто не было никаких отношений, поскольку случайные пересечения из-за родственных связей младшего Агирре с его женой таковыми считать было нельзя. А значит и налаживать им, по сути дела, было нечего.

А дальше Тору стало скучно. Яреци пыталась донести до брата мысль, что не стоит убегать от проблем, а Маркус что-то мычал, своим видом напоминая побитую собаку или, в его случае, побитую гиену, что не сильно меняло дело. Но он бы так и стоял, страдая от бессмысленности всего происходящего, если бы девушка не разрешила ему уйти в дом, показывая, что сама разберется со всеми проблемами своего брата. И видя, что вреда от Маркуса больше не будет, Тору коротко кивнул, бросил на бестолкового мальчишку недовольный взгляд и скрылся за дверью, поскольку семейные разборки, когда речь не заходила о его собственной семье, его волновали меньше, чем особенности внешней политики какой-нибудь маленького европейского государства.

Маркус Агирре

Он посмотрел за тем, как Тору уходит в дом. Подавил печальный вздох и поморщился. У Маркуса никогда не было дома, его там никогда никто не ждал, и он не мог понять, что это такое, когда кто-то ждет, заботится, просто разговаривает. Семья - это ведь что-то большее чем посиделки с друзьями, редкие встречи, разговоры и прогулки. Это огромная ответственность и работа. У отца тоже никогда не было семьи, у него не было и денег, и он хотел что-то изменить. Он стал богатым, его многие боялись и уважали. Боялся и он, особенно после избиения. А после знакомства со своим зверем он стал бояться зверя. У отца до сих пор нет семьи, хотя он всегда старался проявлять по отношению к ней какое-то участие, а потом его просто выгнали. Маркус поморщился, в очередной раз вспомнив эту сцену с унижением отца, и глубоко вздохнул. А потом посмотрел на Яреци.

- Береги его. Люби и цени его. Я никогда никого не ценил, и это, наверное, мое наказание. Я... прошу у вас с ним прощения. Я вас больше не потревожу. Спасибо, что помогала мне. И... просто спасибо. Я... позволь мне позвонить отцу? Я тебе верну телефон и больше никогда не потревожу.

Он вздохнул и посмотрел на сестру. Наверное, нужно позвонить отцу и рассказать, что у него нет паспорта. Конечно, муж сестры был прав - с нормальными людьми никогда не может случиться такого. Нормальные люди никогда ни к кому не привязываются. Ему нужно перестать думать о том, что когда-нибудь будет кто-то

ждать его дома...

Яреци Фернандез

Тору ушел, оставив ее наедине с братом, и она потянувшись, отпила еще немного чаю. Маркус молчал. Он не ответил на ее вопросы, но тут до нее дошло, что она в его речи упустила что-то очень важное. Маркус говорил о маме, и она болезненно поморщилась. Маркус не общался с тетей. Может быть, это произошло с помощью Джуна? Яреци передернула плечами, поняв, что брат разговаривал с духом своей тетки с помощью Джуна. Наверное, это и удивительное, и страшное зрение. Скорее всего она не хотела бы это видеть.

Она снова передёрнулась и внимательно посмотрела на брата. В сердце защемило, потому что он выглядел очень потерянным и несчастным. Она покачала головой.

- Маркус, - вздохнула она, - она тебя любила, ты был ей дорог. Я надеюсь, что ты ее тоже любил. Я... до сих пор виню тебя, но она, как я понимаю, тебя простила. Она просила меня присмотреть за тобой и твоим отцом. Я выполню свое обещание, данное ей, но и ты пойми, что нельзя оставаться таким. Тебе выпал огромный шанс измениться. Воспользуйся им. Поверь, здесь есть люди, которым ты дорог и которые могут помочь тебе. Он, - она кивнула на дверь, - не будет просто так с тобой разговаривать. Если ты хочешь, чтобы он изменил к тебе отношение, то изменись сам. Я тебе принесу телефон. И, пожалуйста, ничего не говори. И обратись в лазарет, на тебя ужасно смотреть...

Яреци на несколько минут скрылась в доме, а потом протянула молодому человеку телефон. И, посмотрев, как Маркус направляется в сторону лазарета, глубоко вздохнула и вернулась обратно домой.
